

КАЗ

МА

Ейск

1992

отдел живописи и графики
Ейского историко-краеведческого музея

**КАЗИМИР
МАЛЕВИЧ**
письма к Шутко

Ейск, 1992

Казимир Малевич и Кирилл Шутко

С 1904 года Малевич посещал Московское Училище живописи, ваяния и зодчества... В Москве у Всеволода Мейерхольда Малевич знакомится с Кириллом Шутко, окончившим частные курсы драмы у артиста Московского Художественного театра Адашева и осваивавшего режиссерское искусство у Мейерхольда... Летом Кирилл Шутко пригласил Казимира Малевича в Ейск... Кирилл Иванович Шутко (1884—1938) родился в станице Копанской Ейского отдела, окончил в 1901 году Ейское реальное училище...

В Ейске Шутко и Малевич вместе ставили в клубе Общества приказчиков и в Народном доме пьесы русских драматургов. Особый успех выпал на «Ревизора» Гоголя. Декорации и эскизы костюмов для этих постановок в Ейске выполнял Казимир Малевич... В 1909 году художник женится второй раз. Вторая жена имеет дачу под Москвой в Немчиновке и Казимир Малевич пользуется дачей до конца своей жизни... После революции в Немчиновке же снимали дачу рядом с дачей Малевича супруги Шутко... С. Эйзенштейн в своих воспоминаниях «В Немчиновке» рассказывает, как в 1925 году он сживал с Шутко и Малевичем под забором на даче, споря о Космосе, о китайском искусстве, о кино...

оформление и подготовка к печати:
сергей сигей

После гражданской войны Кирилл Шутко был комиссаром по делам кино, с 1927 года работал референтом по вопросам кино и искусства в Культпропе ЦК ВКП(б), а потом возглавлял Отдел искусств Госплана СССР...

Друзьями его были кинорежиссеры Э. Тиссэ, Г. Александров, С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, Дзига Вертов...

Супруга Шутко — Нина Фердинандовна — была автором сценария фильма, ставшего всемирно знаменитым, — «Броненосца «Потемкин»»...

В 1930 году Малевича арестовывают, держат в тюрьме, подвергают допросу. Его друзья из предосторожности сжигают большое количество его рукописей... Выручает его Кирилл Шутко...

В моем личном архиве хранятся два письма Казимира Малевича, адресованные Кириллу Шутко... Эти письма попали ко мне так: в 1968 я собирал материалы для моей книги о Шутко (см. Котенко Е. Неподвластно забвению. — Краснодар, 1987), познакомился в Москве с первой его женой Ниной Фердинандовной Агаджановой и со второй его женой — Еленой Авксентьевной...

При аресте Кирилла Шутко 23 октября 1938 года были взяты все его книги и рукописи, правда, некоторое время спустя их вернули Елене Авксентьевне. При одной из встреч в 1968 году она и передала мне письма Малевича, написаны они на бумаге верже фиолетовыми чернилами...

Евгений Котенко.

ПОЭТ

НОС

УЛЪ

Казимир Малевич

Два письма Кириллу Шутко

Дорогой Кирилл Иванович

Всегда не мало задумываюсь над тем письмом, в котором хочешь написать о развитии **Жизни Искусства** и поставленных перед Искусством вопросов харчевой жизнью, думаешь стоит ли писать или бросить Главполитик ничего не понимает, а халтурщика не устранишь, всегда он будет верхом ездить и при жизни настоящих подлинных людей, и после смерти, но походишь, походишь и вот берешь перо и пишешь. Я сегодня был в союзе Сорабис и там услышал что творят поставленные на посты, например, ректор Маслов (потрясающий кулаком и кричащий: *задавить всех левых, не дать им красок и возможности работать*, а развал с академией по дням всею прыткостью приближает прытко этот Моисей Бродский (тьфу) Тоже корреспондентом становите известных. Закапыва-

ют в могилу все то, что могло стать силой поднятия качеств Советского Искусства. Что *Боярский* знает ли о всей постановке дела или ему точно нипочем, что делается.

Мне кажется, что Вы все главные в этой области, оторвались от **Жизни Искусства** и доверились дилетантам, они вам эпоху сделают, и Вас всех халтурщик — вошебой — дилетант по всей линии окружил и этот круг являет для Вас всех **Жизнью**. Этот круг халтуры безграмотной и полного невежества и кажет Вам **Жизнью**. Вообразите стиль нашей Социалистической эпохи, сотворенной по режиссерству *Моисея Бродского, Эссенов, Масловых* и тех кто бия в грудь кричит о Марксизме, топчет жульнически нас (им подходит моя мастерская). Почему не открывают выставку *Филонова*, которую уже сделали и держат взаперти.

Новый скандал: *Союз Сорабис ИЗО* открыл *Шефскую Выставку* для красноармейцев и, потому что там были вещи новых течений, не признали годной.

Флотцы признали, как рабочие признали выставку *Филонова* (давайте же Искусство в массы во всех его видах).

Дайте дорогу анализу Искусства Проблем, дайте развернуть силу новаторам. *Я и Татлин, Филонов* и много других и с нами *Молодежь*, которая действительно хочет создать большое Искусство станут ударниками. Затребуйте от Секретаря ИЗО Сорабиса Ленинграда сведений о *Жизни ИЗО в Ленинграде*. Ознакомьтесь с ней, ибо скоро объявят нас бродские кулаками.

4 мая в Ленинграде суд: целое общество Куинджи один из главов, я забыл фамилию, на конференции объявил классовыми врагами (*уничтожение всех новых теоретических методов, и нас, художников, скоро объявят классовым врагом*).

Мне кажется, что нужно дать отпор крикунам или уйти, изменить линию поведения в Искусстве. Передо мной стоит огромная работа, которая и держит меня, и я имею надежду, что Сов. власть в Лице Многих Товарищей даст мне возможность развернуть ее.

Эта надежда и держит, ибо действительно — работать или кончать — прозябать не стоит. Я лично сейчас нахожусь в страшном напряжении, подъем большой, я жду среди развалин моей лаборатории и жду чего? Вчера сообщили мне, что ГИИИ решило возбудить Ходатайство перед Главнаукою и Искусством о предоставлении мне звания Заслуженного, можете позвонить *Мельникову*, что его желание исполнилось. Этим самым полагают выйти из положения и меня ввести в хорошее положение, а насчет работы обойдется. Но это сказки. *Я же не Бродский*.

О Кино: Жалею, что не успел посмотреть «*Землю*», вслед за ней по ленинградским кинотеатрам сплошь пошел „чисто пролетарски выдержанный“ „Пат и Паташон“. Пробриться на эту классово выдержанную постановку *Лоуренца* действительно трудно, на улице стоят толпы.

Привет Н. Ф. Жму руку

Ваш КазМа

Л. 26 а. 30.

ГАМ
ДЕТ
ЭЛЬ
ТЕТКУ ТЕК

Дорогой Кирилл Иванович

Пишу на дом, ибо в Гагры не успеет дойти мое послание.

Как видите, тов. *Луполл* говорил одно, а *Серебряков* другое. Есть еще и другой тов. — *Одаркина*, ученица **Маца**, вот эти оба, а *Одаркина* главным образом, где только можно позорит меня как только может. Вот что она заявляет на общих Собраниях в присутствии Р.К.И. и представителей рабочих, **Первое**: *Малевич* оккупался в ГИИИ и ведет свою индивидуалистическую работу, *Малевич* прикрылся Производственными Лозунгами и ведет никому не нужную работу. И т. д. Она Секретарь ИЗО отдела ГИИИ не знает того, что до сих пор фарзавод работает суперматическую посуду на экспорт. Только сейчас из моей Лаборатории вышла чернильница — уже на фарзаводе, таким образом уже в этом году мы дали вещи, которые вошли в быт и экспортную продажу.

А стенгазета уже объявила меня врагом пролетариата, ибо под актуальной вывеской обновляется быт супрематическими вещами. Здорово. Нару-

гавшись вволю, испозорив меня, РКИ с представителями рабочих обследовали мою Лабораторию, которая представляла полный разгром свалки изломанных, разбитых работ моего творчества (*кстати фотографа никакого не было, а нужно было бы*).

Я говорил три часа, чистил в свою очередь тех тов. изв. за выраж. **которые под Марксистскою вывеской преграждают путь моей работе, фактически дающей новые формы в быт.** Я показал всю активность этих товарищей выразившуюся в том, что разгромили мою Лабораторию. Комиссия РКИ в лице рабочих была совершенно удовлетворена и даже возмущена *и как я слышал, нашла, что моей работе должен быть даден ход, переместив меня в более лучшие обстоятельства, но резвость компании в партийном собрании, в которое мне конечно доступ закрыт, будут лить грязи сколько угодно.* Председатель РКИ комиссии *Закс*, а всей комиссии не знаю какой *Масленников*. *Закс* был у меня в Лаборатории и вынес положительное о ней.

Что делать я не знаю. Переехать в

Москву не спасение, но и здесь жить нет сил, за Маяковским идти как-то неудобно, но инцидент «исперчивается» во всю. Работать мешают здорово, устоять одному против новой волны после буржуазной трудно, устанешь, а устоял

Вы пишете переехать в Москву, но для этого нужно получить сначала работу, да денег для перевозки хлама и семьи. Квартиру я смогу обменять на Москву. Но за что зацепите в Москве...

Я знаю, что как бы не обвиняли меня, как врага, все же на смену всему старому пойдут мои формы и они идут, только благодаря средневековому невежеству и отношению нашей передовой современности к новому, я могу пострадать как *Бруно*. Но мои формы останутся как *остались доказательства Бруно*.

Пока что Партия еще не запретила развивать каждому художнику и направлению, но дилетанты ее ведут сильную борьбу, запрещают. *Поэтому мне думается, что вы должны все же обратить на это внимание. в особенности на инцидент*

в ГИИИ. Это не инцидент, а злостная расправа в глухой провинции надо мною. Нужен или не нужен, если не нужен, то что нужно сделать со мною? Неужели я всем своим поведением удостоился только издевательства. Хорошо, что Вы знаете меня вдоль и поперек, есть кому хоть написать, для будущего (если письма сохраняются), а то, что Вы знаете меня, дает надежду. Жалко только, что фотограф не явился, документ был бы хорош. Не знаю какую работу можно получить мне в Москве, мне думается, что это трудно. Единственное было бы хорошее занятие для меня—это проехаться с выставкой за границу и написать книгу с приложением к ней лучших зарубежных материалов по Искусствам Живописи Скульптуры, Архитектуры, а также по „Теории Прибавочного Элемента“ книги „Изология“ (украинская филия Госиздата даже предложила мне составить план этих больших работ).

Хорошо бы было если бы Петров скорей устроил мою выставку в Париже, кстати моя жена здорово разбирается во французском языке, помогла бы мне осилить

эту работу во Францию, а это было бы для меня можно сказать завершение, итогом всей моей 35 летней работы в области Искусства. Между прочим я открыл можно сказать особый вид невроза на почве живописной, течение которого можно излечить только цветовыми рецептами всякое другое лечение есть только временное, ибо никакое другое лечение не устраняет неправильные цветовые гармонии в заболевшем, в Киеве есть у меня пациенты и в Ленинграде, эти все мои находки или раскопки идут по линии Теории Прибавочного элемента. Пусть эти несколько слов в этом письме будут вехою новой моей работы, установленной в 1928 году.

Жму Вашу руку и рад бы повидаться.

Привет Нине Фердинандовне.

Ваш К. Малевич

Л. 1930

28 мая

И
Ж
АН
ОН
СИ
РЕ
ДУ
Э
ЛЬ

Несостоявшееся бегство в Париж

Кто такие эти Масловы, Боярские, Мельниковы, Луполлы, Одаркины, Серебряковы, отравлявшие жизнь Казимиру? Великому художнику и философу? Что создал кроме «Мебели в чехлах» Исаак Бродский, которого Малевича перекрестил в Моисея, поскольку тот водил российское искусство в пустыне соцреализма целых 70 лет?

И все-таки, слава этим людишкам, низжайшая им благодарность — они довели Малевича до такого состояния гнева, что он послал эти два поразительные письма Кириллу Шутко, референту по вопросам искусства при ЦК (и к Сталину, наверное, был вхож). Письма эти сопоставимы со многими другими обращениями людей выдающихся к тогдашнему правительству.

Малевич согласен писать «Марксизм» с самой большой буквы, лишь бы не мешали работать. Согласен даже тачать фарфоровые сапоги начальникам, только бы не лезли в Лабораторию Духа...

Но заметим — недолго все-таки он был согласен: второе письмо не оставляет никаких сомнений на этот счет. Раз не дают возможности спокойно делать Искусство, пускай отпустят душу в Париж: там буржуи все очень нервные, окружены сплошной живописью, их лечить надо и Малевич готов залечить их насмерть своими новыми супрематическими лекарствами, уже приготовил «цветовые рецепты, да и жена французский выучила».

Судьба, разумеется, распорядилась иначе, для начала Малевича отправили в тюрьму, потом, конечно, выпустили, а через пять лет власть устроила ему пышные и... супрематические похороны... Эти два письма, продиктованные стремительной яростью гения, как нельзя лучше характеризуют черноквадратное состояние нашего времени, предсказанное Малевичем еще в начале столетия.

Сергей Сигей.

в оформлении издания использованы
фрагменты стихотворений **Казимира**
Малевича

ГОТОВИТСЯ:
АЛЕКСЕЙ КРУЧЕНЫХ
«АРАБЕСКИ из ГОГОЛЯ»

НУЛЬ

ДВА

РАЗ